

F 47 Gulkowitsch, L

s. 15

Гулькович, Л.

К систематизации грамматики
на основе метода "истории развития
понятий".

[1941]

28д.

1

К СИСТЕМАТИЗАЦИИ ГРАММАТИКИ

на основе метода

"ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЙ".

Л.Е. ГУЛЬКОВИЧ.

2

Приступая к исследованию тех основ, на которых должна формироваться грамматика в систематическом отношении, является целесообразным определить то понятие о грамматике, из которого мы исходим. Грамматикой мы называем картину структуры языка, получаемую в результате расположения по одному определенному методическому принципу отдельных свойственных данному языку элементов и их групп. Целью этой картины является возможно точное отражение структуры языка, соответствующее действительной жизни языка. Из этого ясно следует, насколько важен правильный выбор объединяющих методических принципов, на которых грамматика строится. Эти точки зрения не могут быть ни формально логическими, ни мнемоническими, ни психологическими, а должны быть чисто языковыми. Для школьной грамматики, конечно, первые точки зрения необходимы, но им не место в систематической грамматике. На первый взгляд это подразделение кажется очевидным, но в действительности школьная грамматика смешивает все названные методические подходы, не руководствуясь каким-нибудь одним принципом. В основу систематизации грамматики следует положить единый принцип упорядочивания, извлеченный из самого языка. Так как основной и определяющий принцип грамматики должен вытекать из самого языка, то прежде всего нам необходимо выяснить само понятие языка. Проблема сущности языка так же стара, как и человеческое мышление. Вопрос этот занимает человечество уже на заре мифологического мышления и является одной из самых ранних проблем философии.

Самым ранним из дошедших до нас мифов о языке следует считать миф о так называемой "вавилонской башне". Этот миф сохранился в письменности израильского народа, но местом его действия является Вавилон. Данные ассирийско-вавилонской письменности также свидетельствуют о значительном интересе к вопросам языка. Центральной осью мифа является вопрос возникновения языка, причем при постановке этого вопроса, соответственно особенностям культуропонимания семитских народов, характерен исторический подход к познанию мира; греческая же лингвистическая философия того времени занимается преимущественно онтологической проблемой степени соответствия языка действительности и истине (*Wirklichkeitsgehalt- und Wahrheitsgehalt der Sprache*). Это онтологическое направление сохранилось в философии западных народов до конца 19-го века. Центральным вопросом этого направления является соотношение слова и понятия, языка и мышления. Гераклит неуклонно придерживался мнения об идентичности языка и мышления. Гераклит в каждой паре

взаимно противоположных слов в языке видит подтверждение своего диалектического воззрения на развитие мира. Даже Платон признавал за словом некоторую активную роль в образовании понятия, хотя и вторичную. Античная культура приступала к рассмотрению этой проблемы с различных точек зрения, но в итоге все же, соответственно ее тенденции к синтетическому обобщению, она утверждает тесное диалектическое соотношение между языком и мышлением.

В философии западно-европейских народов впервые Лейбниц и Декарт настоятельно подчеркивают живое, существенно важное и взаимно обуславливающее соотношение между языком и мышлением. Критика творческой силы языка и его соответствия мышлению исходит от английских эмпиристов. Так например по мнению одного из главных представителей эмпиристической философии Локка идеи не обладают самостоятельным бытием, а элементы мышления (Elemente des Denkens, "einfache Ideen") возникают в результате работы наших органов чувств. Мышление для него является процессом упорядочения этих "einfache Ideen" по принципам, которые опять таки диктуются самим восприятием (Wahrnehmung). При извлечении из этих простых идей ("einfache Ideen") соответствующих нашим восприятиям (Wahrnehmungen) свойственного им всем общего образуются общие идеи. В этой системе язык не имеет никакого значения. Слова только конвенциональные имена (условные знаки) простых идей. Слова общего значения возникают перенесением условного знака конкретного предмета таким способом, что условный знак конкретного предмета, являющийся его именем, переносится на общую идею как обозначение ее собственного названия. Таким образом отвлеченные понятия представляют собой как бы отображение конкретного. В отношении к вторичному характеру абстракций Беркли идет еще дальше, утверждая, что "общее" никак не может быть абстрагировано из первичных представлений (einfache Ideen) так как оно в них вовсе не содержится. Это общее живет в самом языке, но оно не доказывает законности и истинности языка. Больше того: язык является, по его мнению, источником крайне ошибочных представлений о мире, включая в себя элемент, а именно "общее", не соответствующий тому, что представляет собой реальный мир. Отсюда Беркли выводит методологическое следствие необходимости положения категорического отказа от ошибочных предпосылок, к которым принуждает язык, в основу познания.

Из новейших философов-языковедов Leroy и Dauzat рассматри-

вают язык как инструмент мышления и к тому же мало пригодный. Этой оценке языка противостоит высокая оценка его в немецкой языковой философии 18-го века. Эту высокую оценку мы впервые встречаем у Гамана, мистически разрешающего проблему языка как создание божества, в котором выявляется божественная суть, подобно тому, как ее выявляет созданная божеством природа. Исходя из этого определенного синтетического взгляда на язык и соединяя его со взглядом Лейбница о языке как средстве выражения и образования дистинктивных (различительных) понятий, создал Гердер свою теорию языка: всякое познание для Гердера только узнавание когда-то известного, всякое познание в форму слов отлитое только закрепление этого воспоминания. При воспоминании феномен узнается как нечто целое, синтетическое, но в словах могут закрепляться только его отдельные элементы: так язык по истине творит дистинктивные понятия. Немецкие романтики, прежде всего Friedrich Schlegel и Шеллинг, развивали подразумеваемое у Гердера понятие языка как организма. Это определение, освещающее по-новому соотношение целого и части, опровергает понимание праязыка как исторического феномена. Сущности языка нельзя вывести из отдельных языков или отдельных языковых элементов посредством нахождения общего знаменателя. Сущность языка выражается в тотальности всех элементов языка. Взгляды немецкой идеалистической философии достигают кульминационного пункта в воззрении Гумбольдта. Для него язык является формирующим моментом, ἐνεργεῖα. Только язык упорядочивает, группирует и формирует мир объектов, который сам по себе находится в хаотическом состоянии.

Крайние формулировки Беркли с одной стороны и Гумбольдта с другой стороны не получили дальнейшего развития, так как новые проблемы, возникшие в то время, оттеснили прежние на задний план. 19. век заставил ученых рассматривать проблемы языка с новой точки зрения, соответствующей направлению натуральной философии того времени, принципы которой стали применяться к языку, начиная уже со Шлейхера. Соответственно экзактному характеру естественных наук в основу языковых теорий не кладется язык как общий феномен, но центром исследования становится каждый язык в отдельности, как конкретное, историческое единичное явление. Этим объясняется то обстоятельство, что и филолог имеет свое слово в философии языка.

Несмотря на издавна развивающуюся историю языковых теорий, их влияние на систему грамматики оставалось долгое время незначитель-

ным. Но победа всегда оставалась за формализмом и схематизмом грамматиковедов. От зачатков всестороннего исследования языка арабскими и еврейскими грамматиковедами остались в действии в западно-европейской науке только схемы, характерным примером чего может послужить принцип трехконсонантности корня (Dreiradikaligkeit). В семитских языках лишь в начале настоящего столетия сами филологи приступили к разрешению этой проблемы. Как бы ни отличались друг от друга теории, связанные с именами А. Марти, А. Мейе, В. Вундт, Фердинанд де Соссюр, Карла Фосслера, О. Эсперсена, Г. Амманна и в особенности Николая Марра и его школы, им все-же свойственен общий принцип, а именно: они стараются глубже проникнуть в объективное бытие языка, отталкиваясь от чистого формализма. Психологический момент вводится не как педагогический прием — сделать грамматику легко запоминаемой — но с целью исследования тех психологических явлений, которые лежат в основе процесса речи. На этой почве немедленно возникает необходимость выяснить соотношение между языком и процессом речи, так как именно в психологии языка имеется налицо недопустимое отождествление обеих понятий. Когда Эсперсен главным принципом своей языковой теории берет развитие ребенка в говорящего человека, то в основе этой теории лежит именно такая идентификация. Но и феноменолог А. Марти приписывает понятию речи по отношению к языку слишком важное значение, понимая язык прежде всего как способ выражения мыслей. 1). Язык существует независимо от процесса речи. Он так же не зависит от процесса речи, как симфония сама по себе независима от факта и числа ее исполнений. Но также как каждое исполнение симфоний придает ей более богатую и глубокую жизненность, так и язык с каждым произнесенным словом приобретает более богатую и глубокую реальность. Язык выявляется (эксплицируется) в процессе речи. Таким образом психологические процессы, лежащие в основе речи, несомненно имеют значение для сущности языка, но они еще не исчерпывают этой сущности. Нам следует более глубоко проникнуть в эту область и привлечь для нашего исследования не только процессы языка и лежащие в его основе процессы мышления, но прежде всего содержание языка и соответствующее ему содержание мышления. Понятие Марти о семантическом подходе рассмотрения языка идет гораздо дальше его психологических методов. Эта работа Марти страдает недостатком, свойственным феноменологам вообще, но она совершенна в отношении разграниче-

1) Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie I, Halle 1908, S.53.

ния и раскрытия конвенциональных непоследовательностей и бессмыслиц. Марти ясно показывает, что дефиниции словесных групп например полны противоречий. Он в

состоянии определить плоскости классификации, которым определяемые словесные образы не относятся или, вернее, не могут относиться, по его мнению. Он даже называет те плоскости, в которых возможна конкретная классификация, но он не в состоянии установить точно конституированных моментов для этих предполагаемых им подразделений. Это препятствие в методических вводных вопросах, как только дело касается не разграничения, а построения, не является характерной особенностью именно метода работы Марти, но это общее явление познавательного метода феноменологов. 1) Поэтому, подходя строго научно к исследованию содержания и значения слова, необходимо заранее устранить препятствие, выдвигаемое феноменологическим методом. Удачное продолжение этой работы по исследованию значений слов было предпринято совсем с другой стороны. Материалом для исследования послужили начальные фазы развития языка, так как сравнительно несложная структура первобытного, бесклассового общества, относительно не большой запас слов на ранних ступенях развития могут дать достаточно отчетливые результаты. Из этого краткого указания ясно, что здесь идет речь о раннем периоде развития языка, мало имеющего общего с усложненным и обогащенным жизнью языком данного времени. Об этом раннем периоде развития языка и говорит Николай Марр, для которого это развитие совпадает с развитием общества с только намечающимися контурами классов. С такой структурой общества мы встречаемся, желая постичь суть развивающегося языка.

Нашей темой выдвигается утверждение, что систематизация грамматики может исходить из истории понятий. Это утверждение уже включает в себе предпосылку, что понятия и язык находятся в тесном и закономерном соотношении. Что такое соотношение существует, совершенно очевидно, так как язык всегда есть выражение чего-то. Это "нечто", выражаемое при помощи языка, не может быть чем-то общим, неопределенным и бесформенным. Такое явление могло бы иметь только бесформенное, нечленораздельное выражение. Структура языка, членоразделенная, упорядоченная, нюансированная до тонкости, несомненно, предполагает в такой же мере диффузное расчленение, выражаемого им. Это выражаемое есть ни

что иное, как мир понятий, в такой же степени упорядоченный. В ранее приведенных языковых теориях факт такого соотношения отражается в разнообразнейших формах то в большей, то в меньшей степени. История философии борется за то, чтобы уяснить внутреннее соотношение между понятием и словом. Все теории сходятся в одном, что это соотношение не исчерпывается простым, чисто формальным соответствием. старается определить понятием символа соотношение между словом и понятием. Еще дальше идет Лейбниц, который допускает не только влияние мышления на образование языка, но подчеркивает и формирующую силу мышления. Это он предполагает прежде всего по отношению к задуманному им идеальному языку философии. Считая существование такого языка возможным, он должен предположить, что в основе отношения между языком и мышлением лежит внутренняя диалектика. Тесно взаимно обусловленное соотношение между мышлением и языком предполагает гораздо более органическую и значительную связь, чем та которая существует между предметом и выражающим его символом. Нет предмета или явления, которые не в состоянии были бы породить соответствующие символы. Хотя символ и символизированное не отделяемы друг от друга и символ получает свою жизнь от символизированного, но сам он по своей сути никакого значения не имеет. Символ возникает произвольно и только секундарно проникается символизированным. Слово и понятие соединены между собой взаимным соответствием не только посредством символа, а представляют собой органическое единство. Они только две стороны одного и того же. Слова только строительный материал, из которого строится исполненное смысла здание языка. Но здесь дан только статический момент. Эта статическая картина, является как бы моментальным снимком языка. Желая постичь язык во всех его измерениях необходимо учитывать, что в языке совершается непрерывное развитие, что он подлежит категории времени, что язык вершит свою историю. Итак мы должны рассматривать слова как живой материал, как клеточки живого организма. Если же эти клетки являются не только словами, но в одно и то же время и понятиями, то эти понятия также претерпевают то же самое развитие. Таким образом одновременно совершается не только история языка, но и история понятий. Отсюда вытекает, что теория языка идентична с теорией понятий. Итак если мы желаем обяснить себе отдельные исторические формы явлений языка, то мы должны проследить эти исторические формы явлений в их иден-

тичности с историей понятий. Применяя методы философии языка, необходимо иметь в виду, что перед нами феномены не только чисто языковые, но и феномены, относящиеся к истории развития духа вообще. Результаты же науки о языке при таких условиях свидетельствуют не только о языковых феноменах, но одновременно и об истории понятий вообще.

Если Николай Марр выводит сущность языка из форм общества, если он считает соотношения между обществом и языком настолько тесными, что признает языком в узком смысле слова лишь язык общества уже дифференцированного на классы, то наше воззрение включает в дедукцию Марра промежуточное звено между обществом и силами его созидающими с одной стороны и языком с другой: это промежуточное звено есть мир понятий. Этот мир понятий стоит по отношению к обеим сторонам диалектически, т.е. находится в созидаемом взаимодействии как с обществом, так и с языком. Этим промежуточным миром понятий мы не ввели нового фактора. В этот мир понятий входят наука, искусство, политика, словом духовная культура человечества. Таким образом отождествляя историю понятий с историей языка, мы этим самым отождествляем также историю культуры с историей языка. Отсюда вытекает, что взаимоотношение научных достижений истории развития понятий и истории языка можно заменить иной формулой соотношения между научными достижениями истории культуры и истории языка. При постановке задачи систематизирования грамматики какого-либо языка на основе метода исторического развития понятий, тем самым выдвигается требование необходимости познания языка в связи с соответствующей культурой, так как только результатами такого научного культурно-исторического подхода может последовать ясное понимание подлинной языковой структуры, той структуры, из которой должна исходить система грамматики.

Мир духовной культуры, т.е. мир понятий, чрезвычайно осложняет отношение между историей реальностей и языком. При таком положении язык никак не может быть механическим отражением общественных отношений и явлений. Несомненно, что сами принципы структуры общества также отражаются в языке. Острые противоречия в обществе передаются в языковых формах, в которых принцип попарно противоположных слов играет весьма существенную роль. Язык, обладающий определенной тенденцией к построению тройственных слов, понятий, отражает социологическую структуру, построен-

ную не на принципе противоположностей. Мир реальный науки, лежащий в основе мира понятий, включает в себя разнообразные противоположения: природные, а именно: одушевленное и неодушевленное, человек и животное, полярность полов; противоположения социологические, т.е. классовые, противоположения народов господствующих угнетенным, противоположения различных профессий. Когда мы встречаем в языке с противоположностями, мы еще не можем судить которое из противоположений здесь имеется налицо. Природные противоположения играют сравнительно незначительную роль. Разделение имен действительных по родам только в редчайших случаях стоит в зависимости с разделением человечества на признаки пола. Процесс возникновения языка у человека параллелен возникновению и росту общества; поэтому язык отражает в гораздо большей степени социологические, чем природные противоположности. Период резкого распада на классы естественно отражается и в языке. Но и тогда, когда стираются границы классовых различий, он, конечно, продолжает существовать, хотя характер этого языка подвергается изменениям, наполняясь иным содержанием, по сравнению с языком периода классовой борьбы. Противоположения в языковой системе не сводятся исключительно к области классовых противоречий. Классическим примером служит язык средневекового еврейства. Этот язык ярко отражает противоположения между угнетателями и угнетенными, но экономические и социальные противоречия почти не отражены, так как их возникновению препятствовало общее крайне бедственное положение еврейского народа.

Этими предпосылками мною создается почва для оценки теории Марра. Заслуга Марра заключается в том, что он отчетливо видел и последовательно проводил идею соотношения между структурой общества и структурой языка. Если мы имеем намерение развивать дальше положение Марра, то между нами встанет задача подтверждения его теории путем применения, расширения и углубления ее. Приступая к этому я считаю необходимым пересмотреть установленные Марром соотношения между языковыми образами и явлениями общественной структуры, их порождающими: нет ли сомнительных соотношений и учтены ли все возможные связи каждого языкового и общественного явлений. Сопоставление трех степеней сравнения имен прилагательных с тройной структурой классов, предпринятое Марром, 1) является метким в том или другом случае. Но сущность проблемы заключается в том, возможна ли тройная структура классов и у того народа,

язык которого не имеет трех степеней сравнения, т.е. не может ли это тройное наложение общества быть выражено какой-либо иной языковой формой. Наоборот, вопрос можно осветить и с другой стороны: возникают ли оформившиеся степени сравнения во всех случаях из тройной структуры общества или здесь, может быть, отражена другая социальная тройственность. Кроме того языковое явление, в котором господствует тройственность, очень часто бывает лишь вторичной комбинацией двух противоположных пар. Так, например, наличие трех грамматических родов могло быть перекрещиванием двух противоположных принципов. О том, что это возможно, свидетельствует тот факт, что в тех индоевропейских языках, в которых сохранилось три грамматических рода, отношение между мужским и средним родом совсем другого порядка, чем противоположность между мужским и женским родом, так что в этой тройственности нет однозначности его членов. Допуская такие перекрещивания тем самым мы признаем в развитии форм языка наличие определенного, только им свойственного закона. Существует не только вертикальная структура, исходящая из материальной основы и ведущая через понятия к языку, но одновременно и горизонтальная структура, основанная на отношении отдельных языковых элементов друг к другу. Здесь следует указать и на другие внутренне-языковые явления как отождествление подобных друг другу форм, заполнение парадигм и на те явления, которые возникают из смешения разных языков. При восстановлении в памяти этих диалектических отношений во всех измерениях, мы находим в них предупреждение от всякой схематичности. Каждое языковое явление должно быть проверено по всем направлениям, если мы хотим постичь его суть. Прежде всего это обязывает нас, пока мы рассматриваем отдельные языки, считаться с особенностями этих языков и с их культурными предпосылками, не упуская при этом из виду и того, что является общим для всей человеческой речи и всего человеческого общества.

Язык в преобразованной форме отражает жизнь общества. Чем ближе к природе формы общественной жизни, тем сильнее действуют в языке натуралистические принципы. Противоположение данных природой родов, как мы только что указали, не имеет большого влияния на язык, но на так называемых примитивных ступенях развития языка оно должно быть более значительным, чем в определившихся культурных языках. Но и здесь между природой и языком выдвигается социальный фактор: проявление действия магической сферы. Образование

родов в примитивных языках происходит обыкновенно не соответственно данной природы противоположности родов, но по принципу магического поляритета. Замена родовых окончаний принадлежит к существенным особенностям в языке магического церемониала. Магический язык является настолько существенной частью примитивного языка — на примитивной ступени развития он может быть даже единственным языком, — что он безусловно налагает свою печать и на обыкновенную речь. Итак принцип магической замены родовых окончаний является признаком многих ранних языковых форм. Но принцип замены никак не является языковым принципом. Он даже находится в прямом противоречии с принципом упорядочения языка. Непримиримость этих двух принципов ведет к различным результатам. Так, например, в языке сомали до известной степени берет верх принцип замены. Все слова маскулина, за исключением плюралов, образованных посредством редупликации, имеют плюралы с окончанием феминина и наоборот, феминина имеют плюралы с окончанием маскулина. Но с расширением этого принципа в правило, обязательное для всех имен существительных, все же остается в силе принцип упорядочения языка. Для магии эта случайная замена представляет собой характерный источник расширения власти. Только в этих немногих случаях принцип замены утвердился в такой радикальной форме, аннулируя в конце концов самого себя. Большинство языков еще сохраняет следы принципа поляритета, в то время когда в языке обыкновенно утверждается принцип упорядочения. Так, например, в еврейском языке сохранился принцип поляритета в счете: имена существительные маскулина сочетаются с именами числительными женского рода, а имена существительные феминина с формами числительных мужского рода. Понятие как таковое определяет свой род по именам существительным, а не по именам числительным. Действие замены таким образом сводится к нулю. Сохраняется в силе лишь формальный принцип тогда, когда случайные феминина возникшие из маскулина в еврейском языке скорее всего совершенно другого происхождения. Здесь, очевидно, мы имеем дело с принципом естественных и искусственных о которых у нас еще будет речь в специальном отделе. Классический древне-еврейский язык вообще это есть язык народа, проявляющего мало склонности к магии и всегда боровшегося против влияния магии, проникающей извне. Эта тенденция сохранилась почти до конца средних веков. Обмен одежды запрещался строжайшим образом даже тогда, ког-

да этот обычай обмена в еврейской среде давно уже стал невинным маскарадным развлечением. Итак, в языке мы не должны искать слишком сильного влияния магических элементов, хотя некоторые следы его еще наблюдаются. По исследованиям К. Мейнгофа хамитские языки в такой мере находятся под влиянием магии, что принцип магической замены является одной из самых существенных черт этих языков. Но в грамматике семитских языков не следует считать принцип магической замены одним из основных структурных принципов. Здесь его следует отнести к тем моментам, которые производят переименование основных линий языковой структуры, в то время как в хамитских языках именно принцип замены следует считать одним из основных принципов грамматической системы.

Отдельный язык, является естественным материалом для грамматической системы. Но это обуславливается только научной техникой. Мы обычно воздвигаем надстройку в виде так называемой сравнительной грамматики над отдельными языками, соединяющимися в одну языковую группу. Описание особенностей каждого языка мы даем в отдельной его грамматике. Но сама по себе мыслима и обобщающая грамматика, содержащая как общее так и частности. Для примера можно привести любую группу языков, хотя бы романскую. Но один ученый не в состоянии продолжать такой объединительной работы. Таким образом мы можем установить известные ступени в структуре самого языка, а именно: язык как целое, отдельные языковые группы, семейства языков и отдельные языки. Но этим группировка языков еще неисчерпана. И отдельные языки имеют свои структурные подразделения: так мы различаем в каждом языке литературный и народный языки. Последний делится на наречия. Иногда различие между литературным и народным языками так велико, что оба со временем становятся совершенно разными языками, как, например, вульгарно-арабский и вульгарно-латинский языки. И даже там, где это различие не так очевидно, наблюдается следующий принцип структуры: литературный язык, имеющий тенденцию к единообразию, и народный язык, содержащий в себе разнообразные особенности. Пока язык еще жив, соотношение между обоими диалектическое. Помимо этого подразделения, мы констатируем еще дальнейшие группировки среди различных языков, а именно группировки по профессиям и условиям. Здесь мы уже приближаемся к сущности этих структурных принципов. Структура языка соответствует социологической структуре общества, говорящего на этом языке. Если мы раньше исходили

Из того, что в каждом живом языке имеется взаимно обусловленный обмен между отдельными структурными единицами, то мы теперь в состоянии выразить это более конкретно. Пока за этими языковыми единицами стоят живые единицы общественной структуры, язык остается живым, и диалектическое соотношение между обеими структурными единицами гарантировано.

В начале нашего исследования мы выставили требование необходимости соответствия между структурой грамматики и структурой языка. При этом следует принять во внимание и упомянутые группировки в отдельных языках. Это требование не означает еще, что нам нужно составлять грамматики диалектов или же профессиональных языков. Последние имеют значение в качестве подготовительных работ, но нашей проблемы они еще не касаются. Мы не требуем, чтобы грамматическая система сосредоточивала свое внимание на существенных особенностях структуры общества, говорящего на этом языке. Грамматика бесклассового общества должна иметь совершенно иные построения и характер, чем, например, грамматика феодального или капиталистического общества. Также и последующие дифференцировки социологических форм, выраженные в языке, должны учитываться грамматикой. Так, например, в классическом древне-еврейском языке мы наблюдаем возникновение новых наименований разных профессиональных групп, которые убедительно свидетельствуют об отходе от домашнего хозяйственного уклада рабовладельческого общества и о рождении сословия ремесленников. В моей работе

я указал на то, какую сложную ступень социального развития выражают эти наименования ремесел и ремесленников в истории еврейского и арамейского языков. Мы можем проследить в древне-еврейском языке, какой сложный путь прошло развитие сословий в еврейском народе. В древне-еврейском языке 6-го столетия до нашей эры мы в первые встречаем слово , служащее наименованием для сословия, которое вероятно занимало среднее положение между свободными полноправными гражданами и рабами. До тех пор история древне-еврейского языка такого сословия не знала, но в Вавилонии оно имелось уже ранее 1. Это древне-еврейское слово заимствовано из аккадского языка. И из того что арамейский язык заимствует аккадское слово следует, что развитие этого сословия у говорящих по-арамейски народов также произошло позднее, чем в Вавилонии. Слово исчезло из древне-еврейского и арамейского

языков в эпоху талмуда, так как эта эпоха уже потеряла ту структуру общества, о которой мы говорили и которая характерна лишь для периода распада рабовладельческого хозяйства. В период, следующий за периодом талмуда слово вновь появляется, но здесь оно приобрело уже другое значение. Здесь оно ничто иное как синоним, одно из многочисленных слов, выражающих понятие бедности и угнетенности и вполне отражающих положение евреев в развивающемся феодальном обществе.

Эти особенности структуры общества охватывают не только словарный запас в том смысле, что новое возникающее сословие должно получить и новое наименование, но более того, социальная структура оказывает влияние на грамматические законы языка в целом; так, например, на группы словообразований, известные социальные структуры предпочитают определенные виды словообразований. Так, во время возникновения и развития сословий и профессий древне-еврейского общества предпочитались словесные формы отвлеченных понятий на в то время как рабовладельческое общество, делящееся на патриархальные семьи, предпочитает образование отвлеченных понятий во множественном числе Оба способа словообразования выражают два различных отношения индивидуума к коллективу. Из этого вида словообразования постепенно развивается в еврейском языке обычай обозначать профессии, сословия и классы посредством окончания даже тогда, когда специфических отношений между индивидуумом и обществом уже не существовало. Даже группировки по возрастам обозначаются при помощи отвлеченного плюрала, когда они уже не имеют специфического социального значения в рабовладельческом обществе. Каждое новое преобразование социальной структуры создает адекватные ему виды словообразования. Но это лишь случайный пример. Социальная структура определяет также и способ пользования грамматическими категориями, хотя бы глагола, и формирования синтаксических отношений в языке. Например, у народа с преобладающей милитаристической структурой синтаксические отношения в языке будут иными, чем у народа, занимающегося торговлей. В этом отношении интересно было бы сопоставить хотя бы финикийский язык с ассирийским.

Мы только что привели несколько примеров того, как языковые образования возникают непосредственно из социальной структуры. Это были примеры наименований социальных категорий. В этих случаях отношение совсем несложно и не имеет промежуточных звеньев

ев. Но это не всегда так. В языке науки, искусства и религиозного культа имеют место всевозможные понятия, представления, образы и символы. На весьма существенное влияние магии, мира понятий знахарей, на развитие языка указал прежде всего Марр. Своеобразные приемы магии с целью ввести в заблуждение, определяют структуру первоязыка. Возникновение труднопонятных родов отношений даже в основных наименованиях, как отец, мать, жена и т.д., объясняется именно этим. Таким же образом обрисовывается в языке своеобразная символика тотемизма. Множество явлений, которые поддаются объяснению при помощи сравнительного языковедения, находят здесь свое объяснение. Многие из этих проблем еще ждут разъяснения, а некоторые, вообще, останутся недоступными для нашего разума. Существенным для нашей проблемы является опять-таки то утверждение, что изоляция языковых явлений немислима. То, что действительно по отношению к миру раннего мышления, к миру магии и символов, имеет также значение для мышления в понятиях. Вид наших научных познаний на всех поприщах определяет вид нашего языка. Во времена преимущественно философского мышления язык имеет иной характер, чем в периоды, когда преобладает историческое или естественно-научное мышление. К тому же мы наблюдаем дифференции, обусловленные не только временем, но и географически. Есть народы, у которых мышление преимущественно философское или преимущественно историческое, и есть народы, которые никогда не освобождаются от пут магического мышления. Все эти обстоятельства выражаются в истории языка и в разнообразии отдельных языков.

Нашими выводами мы хотим подчеркнуть необходимость преодоления и способ преодоления схематизма в грамматике. В грамматике, т.е. в дисциплине, рассматривающей формы языка. Мы видим, что философия всех времен не могла не затрагивать явления языка как такового. Несмотря на это, влияние философских теорий на грамматику осталось сравнительно незначительным, хотя совсем устранить его было невозможно. Даже крайний схематизм, разумеется, не мог быть совершенно абстрагированным от образа мышления своего времени. Но существенно то, что познание сущности языка сознательно берется за исходный пункт даже для исследований, относящихся к внешним формам языка. Как только этот принцип был признан и филологией, то в ней несмотря на все различие исследовательских методов и методологических теорий, появилось определенное направление: во всех случаях речь идет о том, что постичь формы языка можно

лишь исходя из их содержания. Мы старались конспективно изобразить, каково может быть это содержание. Это содержание есть те социальные отношения, которые, проходя путь мышления, выражаются в языковых формах. Нашей дальнейшей задачей будет указать в отдельных случаях, как этот процесс протекает и каким образом мы можем описать структуру языковых форм, т.е. грамматики, так чтобы эти формы отражали их языковой фон с жизненной правдивостью.

В своем первом докладе я пытаюсь дать общий обзор тех проблем, разрешение которых необходимо для построения близкой к жизни грамматической системы. При этом выясняется, что для понимания любого языка следует исходить во всяком случае из его содержания и что только из этого содержания вытекает построение грамматической системы. Этим содержанием языка являются понятия. Но эти понятия имеют в свою очередь определенное содержание; а именно жизнь общества, говорящего на данном языке. Вот почему, для того чтобы постичь язык, мы должны толковать его, учитывая эти два момента. Сегодня я хотел бы показать на отдельных конкретных примерах, каким образом указанные соотношения отражаются на грамматических явлениях.

Затрагивая проблему грамматики, мы сейчас же наталкиваемся на вопрос о значении отдельных языков в языке вообще. Мы можем выставить три следующих предпосылки: существование отдельных языков, наличие закономерных отношений между ними и непригодность употребительных в этой области схем. Марр упразднил как господствующее понятие семейства языков, так и господствующую классификацию, в особенности по отношению к индоевропейским языкам. Здесь возникает проблема, каковы же принципы упорядочения, с помощью которых мы можем распределить отдельные языки. Марр указывает для этого два пути: во-первых, понятие языковой системы, т.е. понятие стадий, проходимых языками, а во-вторых, понятие яфетизма в котором он видит новый принцип, при помощи которого можно разрешить проблему отношений отдельных языков друг к другу. Следовательно для нашей проблемы остается в силе тот факт, что отдельный язык как таковой представляет собой существенный фактор. Итак, следует установить, какое место в стадиях развития языков занимает отдельный язык. Это установимо только в том случае,

если возможно привести в связь идеологическую установку языка с социологической ситуацией. Это действительно не только для так называемого языкового родства, но и для всей исследовательской работы в области языка, следовательно, и для нашей грамматической проблемы.

В центре грамматических проблем стоит вопрос о глаголе. Его категория определяется его отношением к понятию времени. Именно в области глагола заключается существенное своеобразие семитских языков по сравнению с другими, хотя бы западно-европейскими языками. Времен в смысле западно-европейских языков семитские языки вообще не знают, т.е. распределение форм глагола происходит не по схеме прошедшего, настоящего и будущего времени. Центр тяжести лежит в так называемых аспектах. Это значит, что категория времени не определяется с субъективной точки зрения. Наоборот, само действие связывается с категорией времени. Эта явно выраженная объективность мышления, это исключение индивидуального момента предполагает вполне определенную социальную основу. Такой язык не является языком господствующего класса, а также не языком до крайности угнетенного класса. Наоборот он предполагает известное равновесие социальных отношений, т.е. либо первоэтапию развития классовой борьбы, либо фазу временного равновесия в распределении сил.

Аспект это такой прием, при помощи которого семитские языки подходят к понятию времени. Но для семитского глагола характерен еще другой момент: так называемые виды глагола. Тем самым дано особенно тщательное и дифференцированное различие между разными образами действия, т.е. подчеркивание качественного момента. Язык выражает не только то, что совершается, но и как совершается. В этом заключается особенная оценка действительности, оттеснения личности на задний план по отношению к действию. Акадолог Б. Ландсбергер указывает на то, что древне-еврейский глагол способен выразить еще другую сторону действия. Он различает три типа действия: повествовательный, описательный и утвердительный. Итак, способ выражения в древне-еврейском языке всегда имеет в виду следующие моменты - события: или динамическое событие, или статический момент события, или нормативный его момент. И здесь наблюдается строгое разграничение между субъектом и объектом и, кроме того, между разными видами объективного. Дифференцированные способы выражения в древне-еврейском языке обусловлены

тем, что древне-еврейский язык определенно глаголоцентричен. В данном случае мы приступаем к рассмотрению весьма важного вопроса: глаголоцентричность как характерный признак не только древне-еврейского, но и всех семитских языков вообще, позволяет сделать тот вывод, что все семитские языки глагольного происхождения, таким образом древне-еврейские первослова обозначают не предметы, а действия. Тем самым ставится центральный вопрос об отношении семитских языков к так называемому яфетическому. Глаголоцентричность семитских языков содержит определенно активный, динамический момент. Объективность семитического мышления, выведенная из своеобразия семитского глагола, не означает еще, что это является результатом известной инертности, пассивности и нивелировки мертвого материала. В этой объективности содержится колоссальная дееспособность. Она не подчиняется событиям бездейственно, но, известным образом, господствует над ними.

В таком случае, если семитские языки являются глаголоцентричными в указанном смысле, то мы вправе предположить, что имя существительное с самого начала играло второстепенную роль. Как известно, среди словесных групп, образованных из одной и той же корне-темы, глагол занимает господствующее положение. Большинство древне-еврейских имен существительных глагольного происхождения

не девербиальны только настоящие первичные слова, такие как отец, мать, сын и т. д. Эти слова, несомненно, происходят из основных элементов языка вообще и первоначальнее тех формальных принципов, по которым формировалась семитская культура. Помимо словообразования вербальный характер семитских языков выражается и во флексиях: флексия имен существительных и прилагательных далеко не так разнообразна, как флексия глаголов. Падежи, правда, имеются, но пример древне-еврейского языка доказывает, что семитские языки могут обойтись без падежных форм. Интересно отметить также влияние глаголоцентричности на синтаксис: так называемые сочетания статус конструктус в древне-еврейском показывают определенное подчинение объекта субъекту. Имущий, а не имущество, действующий, а не действие или эффект, берет верх в синтаксисе. Также и в номинальных сочетаниях сохраняется типичное для глагола ясное разграничение между субъектом и объектом.

Для упорядочения грамматической системы какого-либо семитского языка только-что высказанное означает, что, во-первых, следует исходить от глагола и, во-вторых, что в области номина надо

словообразование ставить на первый план. Ибо в словообразовании документируется характерная для семитских номинативов зависимость от глагола, чем и определяются классы флексий. Словообразование в отдельных случаях, определяется содержанием слова. Итак в этих вводных, предварительных вопросах грамматики обнаруживается значение семантического подхода в отличие от чисто формального.

Если мы хотим установить систему грамматики, нам не следует исходить из схемы, но только из самого живого языка. Здесь уже не может быть речи о морфологии и синтаксисе, но в основу кладутся словосочетания. Первоначально следует найти те общие принципы, по которым одно слово образуется так, другое же иначе. Мы говорим обыкновенно о склонениях и спряжениях, обозначаем их номерами, а исключения регистрируем. Каждое слово причисляется к тому формальному классу, который наиболее соответствует его форме, причем принцип упорядочения носит чисто формальный характер, а содержание почти игнорируется. Иногда формальный класс так ярко представляет смысловую группу, что это не может остаться незамеченным. Такие случаи хотя и указываются в грамматиках, но эти указания никак не выходят из границ мнемонического характера. Основой грамматической системы должны стать именно те случайные совпадения, которые явно бросаются в глаза, и которые уже издавна известны. Основой системы должны служить смысловые группы. Тем самым разрешается и другой вопрос, а именно вопрос о возможности общей грамматической схемы для всех языков. Грамматическая схема, исходящая из смысла слов, имеет силу только по отношению к одному языку. Для каждого языка ее надо выработать снова. В своей работе "Образование отвлеченных понятий в истории древнееврейского языка" я сделал первую попытку постичь сущность древнееврейского языка с этой точки зрения. То, что действительно по отношению к абстрактным понятиям, действительно и вообще. Слова, соответственно их смыслу, можно распределить по группам, которые формально выражают единый тип образования. Так, древнееврейский язык для обозначения физических недостатков строит словообразование по формальному типу "киттил"

Соответственно этому аккадский язык образует слова, обозначающие физические недостатки, при помощи схемы

Отдавая себе отчет в том, какую важную роль играет учение о болезни в вавилонском мировоззрении и в классической древнееврейской

ваемого полного глагола. Вопрос заключается в том, представляют ли собой формы образца и до известной степени и подобные им, только особые формы, выражающие то, что в границах полного глагола никак не может быть выражено, или же полный глагол выражает тоже особые оттенки наряду с другими формами? Иными словами, представляют ли собой формы полного глагола общую форму спряжения в древне-еврейском языке, в то время как остальные формы являются лишь особыми формами для специальных случаев, или же все виды корней расположены на одном уровне и равноправны между собой? В том случае, если они равноправны, возникает вопрос, какой особенный оттенок выражается посредством так называемого полного глагола.

Упоминая именные формы в древне-еврейском, я уже указал на то, что без постижения смысла мы никак не можем создать живой системы. В еще большей степени это касается глагола. Мы знаем, что Схема корневых форм есть только чистая схема, т.е. ни один глагол не охватывает всей схемы. Этот факт доказывается каждым словарем и, разумеется, всем известен. Зато для постижения языковой структуры древне-еврейского языка очень важен вопрос, по какому закону один глагол образует только такие формы, а другие только иные. Объяснение этого закона следует искать в самом смысле слов. Один род глаголов, как например, (бить), выражает силу своей каузативности тем, что он встречается только в Другие глаголы каузативны сами по себе, хотя встречаются только в Так же дело обстоит с интенсивными видами действия. Одни глаголы пользуются этими видами действия, другие же нет. Кроме того, есть глаголы, никогда не имеющие каузативного смысла, так как они всегда выражают нечто пассивное. Имеются и такие глаголы, которые лишены всякой интенсивности, потому что по своему характеру они отражают события лишь поверхностно или же передают только поверхностные события. Составляя такие группы, мы можем надеяться открыть закон в границах кажущихся случайностей, по которому определяется способность и неспособность глагола образовать основные формы.

Корневые формы древне-еврейского языка воздвигают перед нами еще одну новую проблему: соревнование между и Это соревнование не обусловлено ни диалектически, ни исторически. Ибо эти формы и при всех развитиях древне-еврейского языка являются параллельными друг другу. Итак обе формы могут вы-

ражать, что действие совершает, главным образом, действующий субъект, при чем объект имеет страдательное пассивное значение. Задачей как форм образца так и образца является подчеркнуть прежде всего противоположность между субъектом и объектом. каким законом следует руководиться при употреблении форм или , до сих пор еще не удалось исследовать. Но как бы то ни было и этот закон должен быть найден лишь в связи со смысловым значением данных глаголов.

Этот глаголоцентричный характер семитских языков как выражение определенного духовного содержания и как следствие известной социальной структуры, естественным образом, постепенно утрачивается, как только изменяются специальные условия для этого : например, сирийский язык, как язык христианской вероисповедальной общины, в сильной степени утратил этот глаголоцентричный характер. Как пример можно указать еще и на эфиопский язык, построенный на совсем иных культурных основах, чем семитские языки. Изменчивые условия в истории еврейского народа обуславливают также изменения в глаголоцентричности древне-еврейского языка. В течение классического периода, когда на древне-еврейском языке говорило общество, сплоченное изнутри и ограниченное извне, городская культура которого сознательно отмежевывалась от крестьянской культуры окружающей среды, тогда древне-еврейский язык был явно глаголоцентричен, так как влияние извне в него мало проникало. При этом степень глаголоцентричности колебалась в границах диалектов. Северно-израильский диалект так называемых саг источника ЭЛОХИМ не является вполне диалектом чисто древне-еврейского типа, и это означает прежде всего то, что он менее глаголоцентричен, чем южный диалект иудейских мифов, саг и исторических книг так называемого яхвиста. Соответственно этому мир представлений саг источника ЭЛОХИМ высказывает гораздо больше чуждого влияния и возник в той среде, где говорящее по древне-еврейски общество было гораздо менее сплочено. Продолжая исследование древне-еврейского языка мы отмечаем рост номинальных элементов особенно во времена расцвета еврейской философии. Эти номинальные элементы обнаруживаются, прежде всего, в отвлеченных понятиях. Эти элементы были необходимы для перерабатывания философских мыслей, перенятых у греков через посредство арабов. Греческая философия есть философия типичного номинального языка. Уже это обуславливало известную перестановку акцентирования между глаголом и

номина даже в древне-еврейском языке в пользу номина. Но и кроме того язык философии вообще номинален по существу, так как здесь речь идет о понятиях в самом точном, узком смысле слова. Глаголоцентричный язык не есть язык философствующего народа, но язык народа, мыслящего в высшей степени исторически. Преходящее, историческое, совершающееся лучше всего выражается посредством глагола. Посредством глагола типа древне-еврейского языка можно лучше всего выразить совершающееся в абстрагированной от наблюдателя виде. Уважение перед фактом, отмеченное нам выше, как характерная черта древне-еврейского глагола, является как-раз выражением крайне исторического мышления. В то время, когда среди окружающих народностей возникают только анналы и хроники и когда исторический момент жил только в сагах, тогда дооксильное еврейство создавало обширные описания хода исторических событий, описания, выявляющие явное стремление к объективности и к познанию внутренней связи явлений. Достоверность этих описаний все более подтверждается документами современников, хотя бы вавилонских культурных кругов. Глаголоцентричный язык, с одной стороны являлся прекрасным инструментом для таких описаний, а с другой стороны, эта ранняя склонность еврейства к объективной, исторической письменности преобразовала и отшлифовала этот крайне исторический язык.

Глаголоцентричный характер древне-еврейского, в особенности классического древне-еврейского, обнаруживается в следующем синтаксическом явлении, а именно: в употреблении артикель. Артикель не чужд семитским языкам, но он не везде имеет одну и ту же форму и не всегда употребляется по одному и тому же правилу. В этом нет ничего удивительного, так как артикель вообще принадлежит к весьма неустойчивым явлениям в истории языков. Тем более бросается в глаза строго равномерное употребление его в классическом древне-еврейском языке. В средне-еврейском языке, т.е. в языке мишны, талмуда и мидраша, обнаруживается гораздо более вольное употребление артикель. По мере постепенной утраты глаголоцентричного характера древне-еврейского языка происходит нарастание вольного пользования артиклем. Классический древне-еврейский язык в сильной степени выдвигает глагол на первый план уже чисто фонетически: акцентирование предложения лежит на глаголе. Глагол является центральной осью предложения и ритм предложения в древне-еврейском языке нисходящий. Тщательную разработку артикель

следует понимать как корректив слишком сильного оттеснения номена со стороны глагола. Номена как таковые не имеют в языке сами по себе достаточного веса, и для того чтобы выделиться они нуждаются в особенном акцентировании при помощи артикель. По мере уменьшения гегемонии глагола отпадает необходимость постоянного акцентирования номена. Акцентирование номина при помощи артикель в вербальном предложении распространяется и на атрибут. Так как атрибут следует за номина, то вследствие нисходящего акцентирования в предложении он еще более оттесняется на задний план и поэтому еще более нуждается в особом подчеркивании. В номинальном предложении, где правила акцентирования совсем иные, и где прилагательное употребляется как предиктив, артикель при атрибуте не повторяется.

Итак, артикель в древне-еврейском языке надо рассматривать как чисто языковое явление, которое объясняется законами языка. Совсем иной характер носит артикель в арамейском языке. Арамейский язык первоначально не имел артикель. В немногих документах т. наз. библейско-арамейского языка элемент, развившийся впоследствии в артикель, встречается только в трех словах: бог, небо и земля

Эта мифологическая троица соответствует вавилонскому представлению о мире. Именно в этих документах, касающихся репатриации изгнанников, следует ожидать вавилонское влияние. Я склонен предположить, что артикель является здесь своего рода атрибутом, подражанием вавилонским идеограммам с языковыми средствами арамейского. Мифологические основные понятия проникли в арамейский язык, вероятно, путем вавилонских документов, которые сохранили в себе разнообразнейший материал мифологических формул. Исходя из мифологических основных понятий, элемент артикель проник в арамейский разговорный язык постольку, поскольку стирались границы между религиозным и светским миром и, следовательно, между их языками. Постепенное утрачивание границ является следствием того, что в говорящем на древне-еврейском языке народе элемент религиозного культа все более отступал на задний план перед повседневным ритуалом. Этот постпозитивный артикель арамейского языка не повлиял на древне-еврейский язык. Древне-еврейскому языку он был слишком чужд. Арамейский язык, благодаря широкому распространению, не мог быть пуристичным языком и имел склонность к восприятию чуждых влияний. Приведенный нами пример подтверждает этот факт: чуждый, в сущности, арамейскому языку эле-

мент, проник постепенно во весь строй языка. Древне-еврейский же язык был всегда крайне пуристичным языком, и таковым он был не только в качестве языка культа, но даже и язык светской повествовательной литературы сохранял всегда свой чисто-еврейский характер.

Фиксируя тот факт, что вещь, понятие и значимость не отделены друг от друга, мы занимаем этим твердую позицию для разрешения известного спорного грамматического вопроса первичности единственного или множественного числа. В грамматической схеме мы предполагаем, что единственное число первично и регистрируем как отдельные случаи. Само собою разумеется, что это только грамматический прием, не имеющий никакого отношения к историческому либо логическому приоритету. Прежде чем приступить к выяснению самого понятия множественного числа следует разрешить вопрос исторического и логического приоритетов. В каждом языке определенные слова образуют известные группы. Представитель смысловой группы это семья родственных слов, а представитель формальной группы это остов, корень и тема. В этом случае язык, являясь упорядоченным организмом, поступает не произвольно. Формальные группы одновременно и смысловые. Общий знаменатель смысловой группы извлекается посредством логического обобщения. Но и во всех случаях смысловая группа в действительности дает возможность этого логического обобщения. В некоторых случаях это обобщение представляет собою лишь секундарную логическую абстракцию. В этом случае естественно, что такое обобщение не имеет никакого отношения к первослову группы. Но вопрос гораздо сложнее в тех случаях, когда смысловая группа сама оформирует свое центральное понятие: каким же образом может быть общий знаменатель смысловой группы секундарной абстракцией? Если это было бы так, то и вся смысловая группа могла бы быть производным этого обобщающего понятия. Если в древне-еврейском языке обобщающий элемент смысловой группы выражен глаголом, то в таком глаголоцентричном языке мы должны предполагать в таком случае идентичность исторического и логического приоритетов. Но необходимо пересматривать каждый определенный случай смысловой группы для установления исторической исходной точки данной группы. Каждая смысловая группа является одновременно и формальной группой, обладая формальным элементом, свойственным всем членам группы. Этот формальный элемент, мы, обычно, называем корнем или темой. Эти корни в семитских язы-

ках представляют консонантный элемент. И в так называемых индоевропейских языках согласные, очевидно, преимущественно образуют синтетический элемент, а гласные преимущественно дифференцированный элемент, итак в корнях пресобладает консонантный элемент. Разумеется, такие корни не произносимы и никто не может серьезно утверждать, что человечество когда-либо говорило корнями. Корень прежде всего есть логический основной элемент. Возможно, что ранние стадии развития языка были менее отдалены от этого основного элемента, чем обогащенные формами поздние стадии, т.е. что исторический первоэлемент в области языковой формы в некоторых случаях был близок к логическому первоэлементу. Но и это в каждом случае должно быть отдельно устанавливаемо. Таким образом исторический и логический приоритеты могут совпасть. Но они не обязательно совпадают во всех конкретных случаях. Отсюда полемика между учеными так называемого исторически-психологического направления и учеными направления логического или "схоластического" с самого начала осуждена на бесплодность. Если мы, исходя из этих предпосылок пытаемся разрешить вопрос приоритета плюральных или сингулярных словесных форм, то мы с самого начала должны избегать широких обобщений. Тот факт, что мы постоянно снова наталкиваемся на указывает на существование таких слов, для которых множественное число представляет нормальную жизненную форму. Эти слова не образуют единственного числа даже и вторично. Кроме этих имеется целый ряд слов, для которых множественное число является также естественной формой, так как они означают то, что по своей природе, обыкновенно, не встречаются единично. Но эти последние вещи и понятия дают возможность образования единственного числа, так как при помощи абстракции их можно разделить на отдельные, однородные составные части. К третьей группе относятся такие слова, которые первично представлены в единственном числе, а множественное число для них явление секундарное. В древне-еврейском языке мы можем уже по форме сразу отличить первичные естественные плюралы от секундарных искусственных. Окончание естественных При мером может нам служить мужчины: коллектив защитников страны, политический или рабочий коллективы суть естественные множества, связанные в единства. В противоположность этому от слова отец, образуется искусственный плюрал Здесь множественное число является абстрактным обединением индивиду

альных данностей. Равным образом животные, представленные стадами, стаями или толпами, как например голуби имеют в древне-еврейском естественный плюрал на Слово "зерно" также свойствен естественный плюрал: Наряду с принципом естественного и искусственного плюрала в древне-еврейском языке постепенно получает применение принцип употребления окончания для мужского и для женского рода. Этот утвердился мало-по-малу, но только для новообразований. Для более старых образований остались в силе мужские сингуляры с множественными плюралами, и наоборот. Естественным образом здесь нашло место также известная схематизация. Схематизация играет здесь вообще существенную роль. Если в каком-нибудь языке уже выдвинулся принцип образования искусственного плюрала, то это ведет к возникновению тенденции образования множественного числа от любого имени существительного. Часто возможность образования множественного числа от того или другого слова сводится лишь к вопросу стиля. В этом эстетическом принципе долгие всего ударживается сознание того, что за каждой грамматической формой всегда должны стоять реальные данности и что, следовательно, нельзя схематизировать механически. Понятие естественного и искусственного образования множественного числа также в языках, где в противоположность древне-еврейскому не выработалось двух различных форм для того и другого приема, должно быть плодотворнее, чем вопрос об исключительном приоритете единственного или множественного числа.

Представленные мною примеры особенностей языковых структур заимствованы мною, главным образом, из древне-еврейского. Древне-еврейский язык в большой степени, как мы уже можем заключить из предыдущего, пуристичен. В рамках нашего исследования невозможно установить, является ли пуристичность древне-еврейского языка природным свойством его структуры, не оставляющим места для внешних влияний, или же причина лежит в особенностях социологических условий. Вероятнее всего в данном случае действовали оба момента. Во всяком случае древне-еврейский язык относится к языкам, в основе структуры которых лежит один превалирующий момент образования. Древне-еврейский язык во всех отношениях глаголоцентричен. Глагол определяет синтаксический строй предложения и его отдельные элементы, и только исходя из глагола мы можем понять смысловые группы языка и формальные классообразования

слов. Глаголоцентричность древне-еврейского языка выступает настолько явно, что это не может остаться незамеченным. Как только при составлении словарей исходят из тем — а в древне-еврейском языке иные подходы быть и не могут — то сразу явственно воздвигается на первый план глагол, а номен является только дериватом. Также и в грамматике глагол занимает обширное место, но он преобладает лишь количественно, не систематически. Некоторые понятия из учения о глаголе появляются иногда и в учении о номен. Но несмотря на глаголоцентричность языка в грамматиках остается в силе старый распорядок: местоимение, имя существительное, имя прилагательное, числительное, глагол и Если мы присмотримся внимательнее к распределению номинальных классов, то нам сразу бросается в глаза их трудность для классифицирования. Самостоятельное классифицирование номин в древне-еврейском вообще невозможно, они должны рассматриваться только в связи с классами глагола. Глаголы должны распределяться по смысловым группам, которые, как уже говорилось, являются и формальными группами. Этим исходящим из глагола смысловым и формальным группам и должны быть подчинены номин. Тогда, например, так называемые сеголата также войдут в известные смысловые группы. Этим мы преодолеваем трудность, которую доставляет нам на уровне наших теперешних знаний о сеголатах, этот многообъемлющий и разнообразный формальный класс, и у нас является возможность упорядочивания его по принципу глаголоцентричности. Образующиеся при этом смысловые группы дают положительное разрешение проблемы, в то время как употребляемый до сих пор принцип традиционных вокальных элементов, долженствующий играть в древне-еврейском языке только второстепенную роль, не был в состоянии это сделать. Распределение по смысловым группам показывает, что в грамматике решающим является соединение, смысловый момент. Отсюда уже вытекают общие основные направления в языковой структуре. На этом базисе легко объяснить и внутренне-языковые явления. Примером таких явлений в древне-еврейском языке может служить Также языковые элементы и их взаимное влияние несомненно существует. Но этот горизонтальный структурный элемент является вторичным. Для исторического же становления языка, а следовательно и для строя грамматической системы существенны вертикальные образующие элементы: это реальная основа языка, т.е. его исторически-социологическое вершение и духовный компонент, т.е. жизнь культуры.

Строительство грамматической системы исходит, по нашим предположениям, из смысла слов. Итак, в основе нашей работы ставится вопрос о значении слов вообще. Это значение всегда вытекает из соотношения между данным словом и другими словами. Но это не только хойристический принцип, которым мы реконструируем значение незнакомых нам слов по имеющимся у нас данным. Значение слова живет вообще только лишь в его соотношениях. Это соотношение двоякого рода: слово имеет вещественное отношение к обществу и его мышлению, во-вторых это слово имеет языковую связь с другими словами. Тот факт, что свойственной слову смысл выявляется группой слов, предложением, периодом речи, выдвигает перед нами вопрос: не должны ли мы вообще уже в самом начале грамматики поместить синтаксис - учение о словосоотношениях. Это требование, главным образом, исходило от немецких философов - лингвистов и грамматиков, но до сих пор оно не получило удовлетворения. Стараясь постичь структуру грамматики как жизненно - правдивое отражение языковой структуры, мы должны брать все языковые явления не изолированно, а синтетически. Каждое отдельное явление постигается в своей связанности с целым. Занимает ли синтаксис место в начале или в конце грамматической системы, этот методологический вопрос имеет только лишь второстепенное значение. Мы можем, конечно, построить систему хойристически, но даже и при этом следует отмежевывать сложную работу исследователя от работы изложения. Тогда как работа исследователя должна исходить всегда из целого, изложение структуры языка может начинаться с отдельных клеток, из которых уже постепенно отстраивается целый языковый организм. При этом не должно нарушаться отношение между целым и его составляющими частями. Результаты нашей исследовательской работы в настоящее время еще не позволяют нам построить на основаниях всех вещественных отношений языка достаточно полную грамматическую систему. В данное время мы находимся в стадии исследования лишь отдельных вещественных отношений. Но и при этих отдельных исследованиях необходимо всегда иметь в виду, что их результаты впоследствии будут присоединены к общей картине языковой структуры и только в этом случае, в связанности с целым, получают реальную ценность.